

Сталинградская битва в зеркале западной историографии

А.А. Падерин

Статья посвящена отражению Сталинградской битвы как начала коренного перелома в войне в западной историографии. Особое внимание обращено на противоречивые оценки битвы западными историками, исследованы формы, методы и средства фальсификации некоторыми из них как самого сражения, так и его значения в победоносном развитии мирового конфликта.

Минуло 70 лет после завершения Сталинградской битвы. Бег времени неумолим. Все меньше среди нас непосредственных участников этого грандиозного сражения. Тем большую ценность представляют их воспоминания и свидетельства, новые материалы о битве. К сожалению, недоступность ряда документов, долгое время существовавшая строгая засекреченность отдельных источников, субъективные и тенденциозно политизированные оценки некоторых событий сражения вкупе с замалчиванием или предвзятым освещением его отдельных сторон способствовали возникновению и тиражированию мифов и стереотипов, прочно внедрившихся в историческое сознание. А ведь народ-победитель вправе знать истинную правду о пережитой им тяжелейшей войне. И святой долг нас, историков, предоставить ему такую возможность.

Однако это легко сказать, но, как показал послевоенный опыт развития военно-исторической науки, непросто сделать. Так, при несомненном богатстве историографии Великой Отечественной войны, мы по сей день не можем дать соотечественникам четкие аргументированные ответы по всем связанным с ней проблемам. В том числе еще немало трудных вопросов и по истории Сталинградской битвы, хотя за минувшие десятилетия ей посвящены многие научные монографии, многочисленные статьи, а также материалы научных конференций. В них наряду с описанием ее кануна, хода и результатов определенное внимание уделяется анализу

того, как западные историки освещают эту грандиозную битву, наша победа в которой заложила прочный фундамент для достижения коренного перелома во всей Второй мировой войне. Это важно и в смысле объединения усилий по исследованию ее истории, и в плане устранения ошибочных взглядов и оценок. Данный вывод подтверждается, в частности, процессом зарождения и развития германской историографии Сталинградской битвы, протекавшим во взаимодействии с советскими (ныне – российскими) учеными, архивистами, музейными работниками. Об этом обстоятельно написал в своей статье «Германская историография Сталинградской битвы» профессор А.И. Борозняк¹.

Путь к постижению исторического смысла сталинградской трагедии оказался и для граждан Федеративной Республики Германия, и для ее историков трудным, длительным и противоречивым. В 1950 – 1970-х гг. обширная литература о поражении 6-й армии имела по преимуществу оправдательно-мифологический характер, общая направленность публикаций нередко отражалась в названиях книг: «Преданные битвы», «Утраченные победы» и т.д.

Тональность многочисленных мемуарных свидетельств генералов и офицеров вермахта о событиях под Сталинградом определялась, по оценке известного историка М. Керига (Фрайбург), «духом холодной войны и дискуссиями о перевооружении Западной Германии». Фельдмаршал Эрих фон Манштейн и другие авторы мемуаров стремились,

Падерин Александр Александрович – к.и.н., член-корреспондент РАЕН, полковник в отставке (г. Екатеринбург). E-mail: paderin41@mail.ru

■ История

перекладывая всю вину за гибель немецких солдат на Гитлера, оправдать собственные действия, отрицать свою ответственность за произошедшее. Неслучайно Фридрих Паулус, прочитавший книгу Манштейна после возвращения из плена, отзывался о ее содержании «с горечью, возмущением и разочарованием»².

Объективные научные труды о битве на Волге были редким явлением. И все же перу авторов, представлявших «поколение Сталинграда», принадлежат честные, правдивые публикации о трагедии 6-й армии. В 1962 г. прошедший через окружение и плен бывший подполковник 6-й армии И. Видер опубликовал небольшим тиражом в малоизвестном мюнхенском издательстве книгу «Сталинград и ответственность солдата» (в русском переводе вышла в 1965 г. под названием «Катастрофа на Волге»). Тень русского города, убежден Видер, «нависла над всем немецким народом», настоятельно требуя от него «найти в себе силу и мужество тщательно исследовать мрачную и неприглядную главу истории», «взглянуть в глаза всей правде» вопреки «сытому равнодушию и тупому пренебрежению к моральным и духовным ценностям»³.

Тяжкий груз ответственности за бессмысленную гибель солдат, утверждал автор, лежит не только на Гитлере, его военном и политическом окружении, не только на генералах и офицерах, командовавших окруженными частями, но и на каждом военнослужащем вермахта, последовавшем за преступниками. «Наш поход на Волгу, – писал Видер, – предстал передо мной как ни с чем не сравнимое насилие над человеком и символ вырождения человеческой личности. Самого себя я увидел как бы заправленным в гигантский и бесчеловечный механизм, который функционирует с ужасающей точностью вплоть до саморазвала и уничтожения». Сталинградское побоище, по оценке Видера, было «расплатой за политические злодеяния, логическим результатом захватнической и несправедливой войны, развязанной Гитлером»⁴.

Забывтый труд Видера, умершего несколько лет назад в скромной должности провинциального библиотекаря, был возвращен в 1993 г. немецкому читателю усилиями ветерана Национального комитета «Свободная Германия», депутата бундестага ФРГ графа Г. фон Айнзиделя. Издатель именуется книгу Видера «самым основательным анализом трагедии, разыгравшейся на Волге 50 лет назад»⁵.

В феврале 1963 г., в разгар холодной войны, на страницах швейцарского военного журнала была опубликована статья Х.-А. Якобсена (Бонн), одного из самых авторитетных историков ФРГ, который дал бескомпромиссно жесткую характеристику тогдашних интерпретаций Сталинградской битвы, сводившихся зачастую к «оправданию собственных действий, бессмысленных жертв, преступного злоупотребления жизнями солдат». Широко распространенный вывод о единоличной вине Гитлера за катастрофу является, по мнению Якобсена, «чересчур дешевым и чересчур упрощенным». Полностью сохраняют свое значение суждения автора о проблеме ответственности представите-

лей нацистской военной и политической элиты за агонию 6-й армии: «Чем выше их чины, чем шире понимание общей ситуации, тем значительнее мера их ответственности». Сталинградскую трагедию нельзя понять, убежден автор, вне ее взаимосвязи с войной против СССР, вне ее характера и способов ведения. Во время этой войны (он именуется ее «раковой опухолью режима») «речь шла с самого начала не о высоких, благородных задачах, о коих лгали нацистские властители, но – о необузданных, преступных целях». «Нельзя останавливаться на полпути, – указывал Якобсен, – надо набраться мужества для того, чтобы задавать нелегкие вопросы и получать нелегкие ответы»⁶.

Голоса Видера и Якобсена не были услышаны в тогдашней Западной Германии – ни историками, ни общественным мнением. Справедлив относящийся к 1984 г. диагноз лауреата Нобелевской премии Генриха Белля: «До сих пор большинство немцев так и не поняло, что их никто не звал под Сталинград, что как победители они были бесчеловечны и очеловечились лишь в роли побежденных»⁷. «Для профессиональных историков, – считает академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьян, – война продолжает оставаться предметом глубокого анализа, не прекращается поиск новых документов. Такая работа крайне важна: ведь именно в последние годы активизировались споры и дискуссии по истории минувшей войны. Идет сопоставление разных точек зрения в интерпретации тех или иных событий минувшей войны»⁸.

Поучительным примером использования новых документов, формулирования на их основе аргументированных точек зрения на анализируемые события Великой Отечественной войны вполне заслуженно можно назвать изданный к 70-летию юбилею Сталинградской битвы сборник статей «Сталинградская битва и ее геополитическое значение» под общей редакцией С.Е. Нарышкина и А.В. Торкунова⁹. В книге представлены материалы ряда ведущих российских ученых-историков о Сталинградской битве. Авторы анализируют сложившееся стратегическое положение перед началом сражения, непосредственно боевые действия под Сталинградом, а также то влияние, которое оказал разгром германских войск в Сталинградском котле на дальнейший ход войны. Особое внимание уделяется анализу международного значения победы советских войск под Сталинградом, изменению соотношения сил в мировой войне. В книге помещены рассекреченные архивные документы. В сборник вошли материалы, ранее опубликованные в многотомном продолжающемся издании «Великая Победа».

Значительное место в данном издании отведено статье старшего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН Е.Н. Кулькова под названием «Зарубежные историки о Сталинградской битве»¹⁰. Автор в той или иной мере обстоятельно рассматривает более трех десятков публикаций западных историков. Особое внимание уделяет книгам, в которых

эта битва является предметом специального исследования. К ним относятся работы британских авторов: Дж. Джукса «Сталинград: поворотный пункт» (Нью-Йорк, 1968, на англ. яз.), А. Бивора «Сталинград» (Лондон, 1999, на англ. яз.; русское издание: Смоленск: Русич, 1999), Дж. Робертса «Победа под Сталинградом: Битва, которая изменила историю» (М., 2003, пер. с англ.), американских историков: У. Крейга «Враг у ворот: Битва за Сталинград» (Нью-Йорк, 1972, на англ. яз.), У. Керра «Тайна Сталинграда» (Дюссельдорф и Вена, 1977, на нем. яз.), немецких историков из ФРГ – М. Керига «Сталинград: Анализ и документация битвы» (Штутгарт, 1974, на нем. яз.), Я. Пикалькевича «Сталинград: анатомия одной битвы» (Мюнхен, 1977, на нем. яз.) и другие.

По мнению российского историка А.В. Исаева¹¹, этапным событием в зарубежной историографии Сталинградской битвы являлся выход в 1990 г. 6-го тома официальной немецкой истории войны «Третий Рейх и Вторая мировая война»¹². Как следует из подзаголовка, он посвящен расширению войны в 1941–1943 гг. до глобальных масштабов. По традиции западной послевоенной историографии в этом немецком издании официальной истории войны много внимания уделяется решениям, принятым персонально Гитлером в отношении планирования и ведения операций на сталинградском направлении. Акцентируется внимание на ряде внутри- и внешнеполитических соображений, заставивших Гитлера торопиться со взятием Сталинграда. Вместе с тем авторы тома указывают на более прозаичные причины, заставлявшие германское командование прилагать большие усилия к быстрейшему захвату города на Волге, в частности потому, что зимой «город, даже разрушенный, предлагал куда более широкие возможности укрытия и размещения, нежели открытая, практически безлюдная степь»¹³.

В описании событий, непосредственно предшествовавших советскому контрнаступлению, авторы 6-го тома дают объемную картину происходящего. Отходя от клише о «некомпетентности Гитлера», они показывают, что именно германский диктатор выступал как последовательный алармист, еще с августа 1942 г. твердивший о возможности советской атаки через Дон в направлении Ростова. В связи с этим Гитлер требовал, чтобы фронт на Дону был «насколько возможно серьезно укреплен и минирован»¹⁴. Кроме того, оценки Гитлера оказывались более пессимистичными и тревожными, нежели оценки его генералов, в первую очередь двух начальников генерального штаба сухопутных войск – Гальдера и Цейцлера. Оба достаточно скептически оценивали вероятность крупного советского наступления. Столь же серьезной ошибкой являлась недооценка возможностей Красной армии немецкой разведкой – отделом изучения армий востока (ОКН/ФНО).

Р. Гелен, занимавший в те годы пост начальника отдела «Иностранные армии Востока Генерального штаба сухопутных войск», в своих

мемуарах утверждает, что о «замыслах Советов», направлении главных ударов и силе советских наступательных операций его отделу было известно еще задолго до начала контрнаступления Красной армии под Сталинградом. При этом Гелен приводит обширный перечень сведений, якобы поступивших в отдел с конца октября до середины ноября 1942 г. Всю ответственность за недооценку полученных разведданных Р. Гелен возлагает на высшее военно-политическое руководство Германии и лично на Гитлера¹⁵.

В своем капитальном исследовании «Фальсификация, воспевание и правда о Гитлере и Сталине» германский историк консервативного направления В. Мазер раскрывает несостоятельность суждений Р. Гелена и некоторых других немецких военачальников, стремящихся возложить всю ответственность за сталинградское поражение на Гитлера. В. Мазер утверждает, что сведения, поступавшие от Гелена, носили несистематический, отрывочный и расплывчатый характер. В них указывался не конкретный район возможного решающего советского контрнаступления зимой 1942/43 г., а назывались по крайней мере семь участков Восточного фронта от Ленинграда до Сталинграда, где было вероятным решительное наступление Красной армии¹⁶.

Разумеется, советская разведка делала все возможное, чтобы минимизировать утечку информации, направить немецкую разведку по ложному следу. И хотя многое из запланированного удалось выполнить, кое-какие сведения, правда, в значительной мере противоречивого характера, оказались известны немецкой стороне. Она смогла получить некоторую информацию о планах советского командования на рубеже 1942 – 1943 гг., в том числе о сосредоточении советских войск на флангах немецкой группировки. Германская разведка, ее фронтовые и армейские подразделения уже с конца октября 1942 г. прослеживали передвижения советских войск и их сосредоточение в районе реки Дон и Сталинграда.

Таким образом, имеющиеся сегодня источники уже не позволяют с полной уверенностью утверждать о стопроцентной секретности подготовки советского контрнаступления под Сталинградом. Правда, массирование советских сил и средств в районе Сталинграда, их высокая мобильность затрудняли противнику возможность точно определить время и численность советских войск на главных направлениях готовящегося контрудара. Представляемые разведкой противоречивые данные удручали командование 6-й армии от каких-либо практических шагов без указаний высшего военного руководства Германии, проявившего определенный скептицизм в оценке поступающей разведывательной информации.

Однако Гитлер неусыпно следил за развитием ситуации на Дону в полосе 3-й румынской армии. В начале ноября 1942 г. он приказывает бомбить переправы через Дон, возможные районы сосредоточения советских войск. Он приказывает перебросить на восток из Франции одну танковую и две пехотные дивизии для усиления 3-й

■ История

румынской армии. Но в целом замысел операции «Уран» остался нераспознанным противником: никто даже не задумался о возможности удара по сходящимся направлениям с целью окружения 6-й армии. Осознание этой угрозы пришло лишь после начала советского контрнаступления.

Описывая судьбу 6-й армии, оказавшейся в окружении, авторы 6-го тома дают главе красноречивое название: «Прорыв или высвобождение?». Действительно, одним из спорных вопросов являлся выбор плана дальнейших действий. В итоге 6-й армии было приказано занять круговую оборону и ждать деблокирующего удара. Здесь в описании событий на первый план вновь выдвигается личная роль Гитлера. Подчеркивается его высокий авторитет в войсках, что «сужало военную ответственность до простого подчинения». По предположению авторов, Паулюс и начальник штаба армии Шмидт отклонили предложение командира корпуса генерала Зейдлица о прорыве именно из-за непререкаемого авторитета фюрера даже в рядах офицеров, далеких от национал-социализма. В дальнейшем, подводя итоги последних боев 6-й армии, авторы тома прямо заявляют: «ошибки и упущения Гитлера слишком многочисленны для их обзора»¹⁷.

На наш взгляд, весьма существенным приобретением не только западной, но и отечественной историографии Сталинградской битвы является издание сборника статей «Сталинград: Событие. Воздействие. Символ» (М., 1995, пер. с нем.). В нем взгляды на историю Сталинградской битвы и ее воздействие на различные стороны жизни воевавших и нейтральных государств излагаются историками Германии, России, США, Великобритании и других стран. Кстати, после выхода в свет данного издания прошло уже почти два десятилетия. К сожалению, этот полезный опыт пока не получил достаточно широкого распространения.

Вполне естественно, что отношение зарубежных исследователей к Сталинградской битве было изначально и поныне неодинаково и неоднозначно. Большинство из них основное внимание уделяют действиям немецкой стороны, пытаясь прежде всего выяснить, почему вермахт потерпел эту ужасающую катастрофу на Волге. Другие же историки сосредотачиваются в основном на анализе действий советской стороны, отражая в своих работах героизм и военное искусство Вооруженных сил СССР, проявленные как в обороне, так и в наступлении. Но такие исследователи составляют, к сожалению, явное меньшинство.

К этому меньшинству вот уже несколько десятилетий принадлежит, например, английский историк Д. Джукс. В своей книге «Сталинград: поворотный пункт» он отмечает «прочность советской обороны, смелость плана контрнаступления» и на этом основании делает вывод о том, что победить Красной армии помогло «именно превосходство полководческого мастерства, а не соотношение сил определило исход битвы»¹⁸.

Соотечественник и, можно сказать, многолетний единомышленник Джукса в вопросе об исторической роли Сталинградской битвы историк Б. Питт в одной из своих книг о Второй мировой войне высоко отозвался о сражении на Волге. Он считает, что «под Сталинградом решающей зимой 1942–1943 гг. полководцы Красной армии показали правильное понимание военной обстановки и способность извлекать уроки из прошлого, что должно быть примером для каждого... Подкрепление сил защитников в самом городе носило характер минимальной необходимости вместо максимальной возможности, а накопленные таким образом сила и мощь были использованы для осуществления великолепного маневра на окружение, который затянул петлю на шее 6-й армии Паулюса. Сталинград стал символом великой победы, завоеванной разумной ценой»¹⁹.

Нельзя не вспомнить с искренней благодарностью и следующий факт. Накануне 40-летнего юбилея Сталинградской битвы известный французский военный историк армейский генерал Ф. Гамбье в статье «Сталинград – величайшая битва всех времен» писал: «Прежде всего следует подчеркнуть тот факт, что фюрер и его генералы во многом недооценивали умение советского командования, смелость, упорство и патриотизм бойцов Красной армии, стойкость, готовность к самопожертвованию и боевой дух граждан, оставшихся в Сталинграде, которые продолжали работать, несмотря на бомбежки и обстрелы, а в случае надобности принимали участие в боевых действиях... Советская победа – это победа ума, хладнокровия и инициативности советских генералов во всех звеньях... Кроме того, нельзя не учесть того, что в умах людей постоянно жил девиз защитников Сталинграда – «За Волгой для нас земли нет!» Высеченный на стенах, предваряющих монументальный ансамбль, воздвигнутый в Волгограде, этот девиз позволяет судить о крепком патриотическом воспитании солдат Красной армии, о любви советских людей к своей многострадальной земле, о высоком боевом духе масс»²⁰.

Читая эти строки, вновь задумываешься над тем, насколько чрезвычайно важно нам сегодня помнить об этом духовном источнике нашей победы в Сталинградской битве! Особенно ценно также для нас, сегодняшних россиян, наследников поколений военного лихолетья, что высокие оценки действий защитников Сталинграда исходят от исследователей, представляющих страну, народ, которой оказался заложником безумной фашистской авантюры Гитлера и его приспешников. Невозможно без чувства гордости читать следующие строки в книге немецкого историка М. Фройнда «Германская история»: «Сталинград показал прежде всего силу сопротивления советских солдат... Ни один немецкий город не боролся так, как Сталинград. Сталинград был почти уничтожен, но руины фабрик и военных заводов продолжали служить укрытием для советских бойцов. Это была жертва до последней капли крови, какой не видели почти никогда на Западе»²¹.

Еще один германский историк М. Кериг в своем исследовании «Сталинград. Анализ и документация битвы» отметил, что со времен Иены и Ауэрштадта Германия не переживала столь глубокого поражения, как в Сталинградской битве. «Для немецкой стороны эта битва, – пишет он, – превратилась в военное поражение величайшего масштаба, а для советской – в классическую операцию на окружение, в символ решительной обороны в трудное время»²². Подобные доброжелательные, по сути, несомненно, справедливые отзывы можно встретить в ряде других публикаций западных историков. Правда, наводит на раздумья то, что приведенные выше отзывы содержатся в книгах, изданных довольно давно: в далекие 70-е гг. прошлого века...

В оценке исторической роли Сталинградской битвы среди западных историков и мемуаристов наблюдаются большие расхождения. Часть из них признает ее выдающееся значение для всего последующего хода и исхода Второй мировой войны²³. Так, германский историк К. Центнер считает, что «с именем Сталинграда начался поворот во Второй мировой войне»²⁴. Известный французский историк А. Мишель признает, что российские историки «справедливо видят в разгроме немецких войск под Сталинградом решающую победу, ознаменовавшую поворот во Второй мировой войне»²⁵. Английский историк А. Аксель в книге «Война Сталина глазами его командиров» подчеркивает, что «поражение и сдача в плен массы германских войск и захват германского фельдмаршала подняли престиж Красной армии; и мир впервые увидел в России грандиозную силу союзников. Сталинград коренным образом изменил мировую военно-политическую ситуацию»²⁶. В подтверждение этому он приводит оценку Ф.Д. Рузвельтом победы советских войск под Сталинградом как «поворотного пункта» Второй мировой войны и другие примеры того, что именно так в военные годы она оценивалась в Англии и Китае.

Однако более многочисленная «армия» западных исследователей испытала на себе недоброе дыхание наступившей вскоре после победы над фашистской коалицией холодной войны, начало которой было положено речью У. Черчилля в Фултоне в марте 1946 г. О Сталинградской битве «писать начали тогда, когда пушки, стрелявшие с обеих сторон, еще не остыли от залпов. И что поразительно, уже тогда победа советских войск под Сталинградом стала принижаться на Западе, а ее значение в истории Второй мировой войны стало уравниваться со значением весьма скромных по военным и политическим меркам операций союзников»²⁷.

Между тем реально мыслящим исследователям было изначально понятно, что ни по своей длительности и количеству участвовавших войск, ни по размаху и ожесточенности вооруженной борьбы, ни по потерям фашистского блока ни одна из называемых западными историками операций англо-американских войск в 1942 – 1943 гг. не может быть приравнена к великой Сталинградской битве.

В том числе это касается и часто упоминаемого некоторыми западными историками сражения под Эль-Аламейном (23 октября – 4 ноября 1942 г.). О сравнительной статистике этих двух событий уже много написано. Но, как говорится, повторение – мать учения!..

В итало-немецкой танковой армии «Африка» было всего около 80 тыс. человек, а под Сталинградом в 6-й армии – свыше миллиона. Под Эль-Аламейном германские и итальянские войска потеряли 55 тыс. человек, более 300 танков, около тысячи орудий. Под Сталинградом же только в ходе контрнаступления Красной армии с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. потери немецких войск составили 800 тыс. солдат и офицеров, около 2 тыс. танков и штурмовых орудий и много другой боевой техники. Эти цифры говорят сами за себя. Операция английских войск под Эль-Аламейном ни по масштабам, ни по результатам не могла оказать серьезного влияния на общий ход войны. Это была победа местного значения, оказавшая воздействие лишь на обстановку в Северной Африке, где был задействован ограниченный контингент вооруженных сил фашистского блока. Не на этом театре, а на советско-германском фронте решалась судьба всей войны.

Пресловутая версия о «равноценности» сражения под Эль-Аламейном и Сталинградской битвы настолько резко противоречит здравому взгляду на события, что встречает отпор даже со стороны отдельных западных авторов. Так, западногерманский генерал Ф. Уле-Веттлер неслучайно счел нужным отметить, что «поражение немцев под Эль-Аламейном в сравнении с масштабом их разгрома под Сталинградом не имело почти никакого значения»²⁸.

В военное время это отлично сознавали в странах антигитлеровской коалиции. «Армия русских, – писал, в частности, английский журналист Р. Сквайрс, – ее железное упорство, ее боевой дух и непреклонная воля уже давно вызывали восхищение и энтузиазм у наших солдат, а узнав о победе на Волге, мы испытали также и чувство колоссального облегчения. Незадолго до того наши войска основательно побили Роммеля под Эль-Аламейном. Но эта победа была одержана в далеком Египте, вдали от тех районов, где сражались главные германские вооруженные силы. Весть о Сталинграде была первой вестью, знаменующей решительную победу над фашистской Германией. Мы понимали, что герои Сталинграда борются не только за Россию, но и за всю Европу, стонущую под игом нацизма, и за нас, англичан»²⁹.

Такое «просоветское» заявление журналиста из Великобритании свидетельствует об отсутствии в этой стране жесткой зависимости от идеологических установок в самый разгар холодной войны не только историков, но и сотрудников средств массовой информации. Кстати, припомню для сравнения: автору этих строк на одном из мероприятий в честь нынешнего Дня защитников Отечества довелось поговорить с немецкой журналисткой средних лет, по имени Андреа, из Кельна. Спросил

■ История

ее между прочим, рассказывали или нет на уроках истории в западногерманских школах, в бытность ее ученицей, о войне с Советским Союзом, о Московской, Сталинградской, Курской и других битвах. Она ответила, что ничего такого им не сообщали.

Данный ответ наводит на мысль о том, что немецкие историки, в том числе школьные учителя, видимо, так или иначе оказывались под влиянием политических клише. Так что нет ничего неожиданного в том, что нередко даже в общем-то толковых научных трудах по истории Второй мировой войны прослеживается влияние атмосферы холодной войны.

Как известно, с середины сентября 1942 г. ожесточенные, кровопролитные бои развернулись в самом Сталинграде, практически полностью разрушенном. Характер военных действий за овладение им изменился. Вместо маневренной войны части вермахта вынуждены были втянуться в позиционную войну в полуразрушенных домах и развалинах. Промышленность города фактически была выведена из строя. Как транспортный узел он также прекратил свое существование. Поэтому применительно к сложившимся тогда условиям у нынешних немецких историков возникли на первый взгляд естественные сомнения в том, что Сталинград сохранял для вермахта стратегическое значение и развернувшиеся непрерывные бои за овладение разрушенным городом были оправданными. По этим вопросам в германской исторической литературе состоялась дискуссия. Большинство ее участников пришли к выводу, что в тех условиях Сталинград утратил свое бывшее военно-стратегическое значение. И в дальнейшем развертывании боевых действий за овладение городом якобы доминировали исключительно политические мотивы. В связи с этим некоторые немецкие историки уравнивают политические цели Гитлера и Сталина. «В Сталинграде речь шла о престиже Гитлера и Сталина, – отмечает, в частности, известный германский военный историк Ю. Ферстер. – Один диктатор публично сделал ставку на овладение этим большевистским городом-символом, другой же – не хотел отдавать его в руки фашистов»³⁰.

Думается, что Ферстер, как весьма опытный исследователь, вполне способен был понять примитивность своей версии. Однако по инерции логики холодной войны не устоял перед искушением в очередной раз поставить Сталина в один ряд с безумцем Гитлером. А что касается сомнения в целесообразности дальнейшей борьбы за Сталинград, то оно, к сожалению, высказывалось и в отечественной исторической литературе³¹. В связи с этим уместно вспомнить бытующее в нашем просторечии выражение «не от большого ума».

В самом деле, не надо быть большим умником, чтобы понять огромное значение Сталинграда в тот исторический момент и в политическом, и в стратегическом отношении. Для советского народа Сталинград был не только городом-символом, олицетворением успешного созидательного труда целого поколения. Вместе с тем он в связи с его ге-

ографическим положением оставался важнейшим связующим звеном между центром страны и ее южными европейскими и среднеазиатскими районами. И что тогда было особенно важно — его успешная оборона открывала благоприятные возможности для подготовки и нанесения массированного контрудара Красной армии по войскам вермахта, занявшим крайне неблагоприятные и уязвимые позиции на южном участке советско-германского фронта. Справедливость такого понимания ситуации и значения города подтвердила сама жизнь.

Другим популярным направлением фальсификации истории Сталинградской битвы в западной литературе, сформировавшимся фактически сразу после завершения Второй мировой войны, является продолжающаяся до сих пор пропаганда выдвинутой гитлеровскими генералами версии, согласно которой победа Красной армии в битве на Волге была обусловлена «роковыми» ошибками Гитлера. «После войны, – отмечал известный английский историк Дж. Робертс, – любимым занятием немецких генералов стало обвинять фюрера в некомпетентном вмешательстве в сугубо военные вопросы. По их мнению, он совершил тогда множество ошибок тактического и стратегического характера, из-за которых и была окружена 6-я армия Паулюса»³².

Фрайбургский ученый Б. Вегнер (итоги его многолетних разысканий по Сталинградской тематике опубликованы в 6-м томе коллективного труда «Германский рейх и Вторая мировая война») именует авантюрой весь замысел наступления 1942 г. на Волгу и на Кавказ. Автор считает, что из-за действий немецкого верховного командования армия Паулюса «уже за несколько недель до ее окружения была армией, сражавшейся без надежды на успех»³³.

Воспоминания о Сталинградской битве бывших генералов вермахта, а также описание ее историками порой беспощадно изобличали фюрера. Так, генерал-фельдмаршал Э. Манштейн в своей книге «Утраченные победы» утверждал, что Гитлер якобы сам заявлял: «За Сталинград я один несу ответственность»³⁴. «Поражение немецких войск под Сталинградом, – пишет американский историк Э. Зимке, – явилось в большей степени следствием ошибок Гитлера, нежели результатом советского военного искусства»³⁵. А германский историк О. Церер пошел еще дальше, заявив, что на Волге «немецкая армия погибла из-за предательства Гитлера»³⁶.

Кстати, тема предательства затрагивалась не только Церером. Зажатая в кольцо окружения, 6-я армия погибала в бессмысленном сопротивлении, от голода, холода и болезней. А Гитлер продолжал заверять, что все делается для того, чтобы выручить их. В эти критические для 6-й армии дни, 13 января 1943 г., Паулюс специальным самолетом направил своего офицера-порученца капитана В. Бера (начальника оперативного отдела штаба армии) в ставку Гитлера, в Берлин. Это была последняя попытка командующего 6-й армией раскрыть глаза фюреру на истинное положение его солдат

и офицеров на берегу Волги. С большим трудом, используя свои родственные связи в штаб-квартире Гитлера, Беру удалось пробиться на доклад к фюреру. Атмосфера, в которой проходил прием Гитлером представителя офицерского корпуса 6-й армии, произвела на Бера удручающее впечатление. Боевой офицер вермахта увидел Гитлера, утратившего всякую связь с реальностью. После аудиенции у фюрера Бер пришел к выводу о том, что немцы неизбежно проиграют войну. Через 60 лет, вспоминая свою встречу с Гитлером в январе 1943 г., Бер признавался, что уже тогда понял, что Гитлер инициировал гибель 6-й армии³⁷. Правда, это обвинение, на наш взгляд, очень трудно убедительно обосновать.

Самый роковой просчет Гитлера немецкий военный историк Б. Вегнер, американский историк У. Керр и другие усматривают в том, что Гитлер не двинул на Сталинград силы двух групп армий «А» и «Б», которые вели наступление на южном крыле советско-германского фронта. Вместо этого он 23 июля 1941 г. в директиве № 45 приказал группе армий «Б», находившейся тогда в 120 км от Сталинграда, захватить этот город, а группе армий «А», уже захватившей в тот день Ростов-на-Дону, продолжить наступление на кавказском направлении. В этом исследователи увидели нарушение принципа массирования сил на главном направлении удара, их распыление на двух расходящихся направлениях, что подорвало наступательные возможности войск вермахта, сделало их чувствительными к контрударам противника и т.д.³⁸.

Английский историк Дж. Робертс тоже считает, что директива Гитлера № 45 «стала фатальной ошибкой»: если бы «германские войска быстро сконцентрировали силы только на сталинградском направлении, то смогли бы захватить город». Но вместе с тем он в своей книге показал, что это была «фатальная ошибка» не только Гитлера, а всего высшего командования вермахта, которое еще при планировании наступления на южном крыле Восточного фронта недооценило важности стратегического положения Сталинграда и не отнесло его захват к числу наиболее важных задач³⁹.

Правда, отношение историков к версии с директивой Гитлера № 45 неоднозначно. Так, германский историк Г.-А. Якобсен в принципе соглашается, что заложенный в этой директиве замысел одновременного наступления по расходящимся направлениям к Волге и Кавказу стал «главной причиной позднейшей гибели 6-й армии», однако подчеркивает, что этот замысел явился реакцией германского командования на провал его попыток уничтожить противостоявшие ему советские войска еще до выхода вермахта к Дону. Он пишет: «Советы научились на опыте первого года войны: ловким маневром они сумели вывести главные силы на своем южном фланге из создававшегося немецкого котла и отвести их на восток. Это положило начало роковому для немцев ходу событий»⁴⁰.

А вот английский историк М. Арнольд-Форстер придерживается вообще иной точки зрения. Он

считает, что еще более грубой ошибкой Гитлера, «изменившей ход истории», явился его приказ от 31 июля 1942 г. о переброске с кавказского направления из группы армий «А» в группу армий «Б» 4-й танковой армии. Это, по его мнению, привело к срыву достижения главной стратегической цели Германии в 1942 г., заключающейся в захвате месторождений кавказской нефти⁴¹. Эта неудача, по мнению германского историка Б. Вегнера, сказалась на «судьбе всей войны»⁴².

В связи с оценками ситуации вышеназванными историками обращает на себя следующее. Констатируя столь печальные для вермахта факты, они оба умалчивают о главной причине того, что не сбылись расчеты Гитлера и его генералов (вполне в духе логики периода холодной войны!) Что ж, мы сделаем это сами: причиной неудач гитлеровцев послужило прежде всего то, что и под Сталинградом, и в предгорьях Кавказа советские войска, проявив непревзойденное мужество и воинское мастерство как в оборонительных, так и наступательных боевых действиях, сорвали замысел агрессора.

И еще подчеркнем: летом и осенью 1942 г. немецкое командование вступило в сражение, к которому оказалось явно не готово, причем в районе, где его не ожидало. А именно под Сталинградом, ставшим эпицентром вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Советское же командование быстро и правильно оценило нависающее положение города над флангом и тылом основных сил противника, нацелившихся на захват Кавказа. В публикациях ряда бывших генералов вермахта и западных историков излагается и такая версия. По их мнению, «роковым решением», по сути «смертным приговором» немецким войскам явились запрет Гитлера на организацию прорыва 6-й армии из окружения и содержащееся в его приказе от 24 ноября 1942 г. требование любой ценой удерживать позиции под Сталинградом.

Между тем нереальность осуществления прорыва 6-й армии из окружения, на наш взгляд, очень убедительно обосновал германский историк М. Кериг. В книге о Сталинграде он показывает, что еще до начала контрнаступления советских войск 6-я немецкая армия была настолько обескровлена, что не могла вести активные наступательные действия. События последних недель борьбы в районе Сталинграда перед переходом Красной армии в контрнаступление, по его мнению, «своей жесточечностью и отчаянием положили начало гибели 6-й армии»⁴³. Далее он приводит факты, свидетельствующие о том, что контрнаступление советских войск застало врасплох командование группы армий «Б». Поэтому у него не оказалось ни готовых людских резервов, ни запаса горючего, которые были необходимы 6-й армии даже для парирования ударов противника. Положение со снабжением этой армии стало критическим уже 21 ноября, когда железная дорога, по которой осуществлялась ее связь с тылами группы армий «Б», оказалась в руках советских войск⁴⁴.

Не удалась и попытка деблокировать окруженную 6-ю армию. Описывая это событие,

■ История

американский историк У. Крейг выдвигает версию, будто бы выполнить данную задачу группе армий «Дон» помешала погода. По его словам, в начале наступления немцы «встретили неожиданно слабое русское сопротивление», выразившееся лишь в случайных выстрелах. Самые большие трудности наступавшим причиняли «обледеневшие дороги, на которых танки не могли тормозить». Так что, несмотря на превосходство немецких войск в мастерстве, наступление все же провалилось. Якобы из-за непрерывных штурмов, мешавших использовать авиацию, а также из-за недостаточного запаса боеприпасов для продолжения борьбы против «неисчерпаемых сил» Красной армии⁴⁵. Здесь мы вновь сталкиваемся с попыткой объяснить неудачу войск вермахта на поле боя плохой погодой и еще чем-либо, но только не умелыми и активными действиями противоборствующей стороны.

Объективную оценку этих событий, не пытаясь обелить соотечественников, в отличие от американца У. Крейга, дает немецкий историк М. Кериг. Он отмечает мастерство командования 51-й советской армии при отражении ударов противника. «Армия боролась упорно и маневренно. Для обороны с фронта она использовала свои стрелковые дивизии, в то время как ее оба механизированные корпуса (4-й и 13-й) непрерывно наносили удары по флангам противника». Кериг констатирует, что срыв попытки немецкого командования деблокировать окруженную группировку в Сталинграде явился также следствием эффективной поддержки действий советских войск авиацией и успешного осуществления начавшейся 16 декабря 1942 г. операции «Сатурн» – наступления Юго-Западного фронта против 8-й итальянской армии, которое вынудило Манштейна распылить силы, предназначавшиеся для организации нового наступления на Сталинград⁴⁶.

Рассмотрим еще одно направление фальсификации истории Сталинградской битвы в западной литературе. Оно заключается в приуменьшении боеспособности Красной армии, якобы самостоятельно, без взаимодействия с союзниками, не достигавшей побед над противником. Так, историк из ФРГ Г. Шретер утверждает, что в период Сталинградской битвы германское командование было вынуждено «держаться в бездействии громадные армии на Западе»⁴⁷.

Другой фальсификатор – американский историк Дж. Стоксбери совершенно бездоказательно заявляет, что русские якобы специально откладывали контрнаступление под Сталинградом до ноября. Они будто бы ждали, когда «союзные армии, как и предполагалось, скуют германские резервы в Западной Европе»⁴⁸. Интересно было бы спросить у этого «исследователя», как он представляет себе организацию крупных стратегических операций, связанных с необходимостью сосредоточения огромных масс войск и боевой техники. Причем здесь принципиальное значение имеет фактор времени: не должно быть промедления, какой-либо задержки при подготовке операции, чтобы противник

не смог разгадать ее замысел, намеченные сроки и т.д. Если такое случится, то он предпримет ответные шаги по сосредоточению своих сил и средств. И тогда операция будет обречена на провал. Так что если ждать, «скуют или нет твои союзники резервы противника где-то за тысячи километров», то можно упустить удобный для проведения контрнаступления момент, диктуемый ситуацией на своем участке фронта. Словом, в данном случае мы имеем дело с фальсификатором – дилетантом в военном деле, сочиняющим небывлицы!

В связи с этим ему полезно для начала прочесть книгу своего английского коллеги Дж. Грига «Победа, которой никогда не было». В ней автор аргументированно опровергает домыслы о том, что якобы высадка союзных войск в Северной Африке в ноябре 1942 г. и угроза их высадки во Франции во время Сталинградской битвы «сковали германские резервы в Западной Европе». Он убедительно доказывает, что за время контрнаступления советских войск под Сталинградом только из Западной Европы на советско-германский фронт было переброшено 17 немецких дивизий. «Более того, – пишет г-н Григ, – последующая высадка в Сицилии убедила германское военное командование в том, что наверняка в 1943 году не состоится никакой акции по форсированию Ла-Манша»⁴⁹.

Думается, что с книгой Дж. Грига «Победа, которой никогда не было» (1980 г.) нелишне было бы давно познакомиться и его соотечественнику – известному историку Энтони Бивору. Может быть, тогда бы он не стал в своей книге «Сталинград»⁵⁰, вышедшей в свет в 1998 г. (через 18 лет после книги Дж. Грига), использовать непроверенные факты. Например, о том, что Гитлер из-за недооценки потенциала советских войск после подписания директивы № 45 распорядился отправить «назад во Францию» моторизованную дивизию «Великая Германия» и моторизованную дивизию СС «Адольф Гитлер»⁵¹. Как выяснилось, подобные заявления не подтверждаются фактами.

Во-первых, не соответствует действительности информация о том, что в период Сталинградской битвы на Западном фронте находились «громадные силы вермахта». По немецким данным, численность немецких войск на Западе в то время составляла 520 тыс. человек и была почти в шесть раз меньше численности немецких войск на советско-германском фронте – 2997 тыс. На Западном фронте был всего один немецкий воздушный флот, а на Восточном фронте – четыре⁵².

Во-вторых, значительную часть войск на Западе составляли так называемые «стационарные» дивизии, которые были плохо вооружены и не имели собственных транспортных средств, а также ослабленные соединения или их остатки, направлявшиеся туда на отдых и пополнение после участия в ожесточенных боях на советско-германском фронте.

Так называемая «перекачка» полноценных немецких дивизий велась не с Востока на Запад, а наоборот: с Запада на Восток. Только с ноября 1942 г. по апрель 1943 г. из Германии, Франции и других

стран Западной Европы на советско-германский фронт прибыло 35 новых дивизий⁵³. В-третьих, утверждение о переброске с Востока на Запад дивизии «Великая Германия» является вымыслом. В дневнике Гальдера, на который ссылается Крейг, говорится, что она в этот период действовала на сталинградском направлении⁵⁴. Это подтверждают и другие немецкие документальные источники. Дивизия «Великая Германия» прибыла с Запада на Восточный фронт в мае 1942 г. и оставалась там до конца войны⁵⁵. Что касается дивизии СС «Адольф Гитлер», то она находилась на Восточном фронте с самого начала войны Германии против СССР. В июле 1942 г. из-за больших потерь, понесенных в боях, она была направлена на переформирование во Францию, а затем в феврале 1943 г. снова прибыла на советско-германский фронт, где в составе группы армий «Юг» участвовала в битве на Курской дуге⁵⁶.

Книга Э. Бивора «Сталинград: роковая осада 1942–1943» написана с привлечением советских источников, преимущественно мемуарного характера. Сообразно традиции, большое внимание в ней уделяется сражению собственно за город Сталинград, уличным боям. К сожалению, в ней немало того, что можно назвать наследием холодной войны и идеологического противостояния двух систем. Подробно описываются «жестокости советского государства», чаще всего в преувеличенном виде. Уделяется внимание ГУЛАГу и Катыни. Автор в самых мрачных тонах описывает судьбу немецких военнопленных. «Русские доктора не вели историй болезни и не записывали имен своих пациентов, – пишет он. – К людям, которых они призваны были лечить, врачи относились хуже, чем к скоту»⁵⁷. Бивор прямо обвиняет советское руководство в том, что пленных морили голодом, а советских солдат – в повальном мародерстве и расстрелах пленных. Все это вызывает острое неприятие. В книге намного больше публицистики, чем истории. Словом, это издание новейшего времени, переведенное на русский язык, – яркий «образец» оголтелого антисоветизма, воспринимающийся как проявление неугасающей ностальгии по взглядам и традициям периода холодной войны.

Впрочем, такой агрессивный настрой историка понятен. Причина, очевидно, в том, что для него, как и для большинства немцев военного и послевоенных поколений, катастрофа вермахта на берегу великой русской реки — это обнаженный нерв массового исторического сознания, острый сюжет национальной историографии. Поэтому устремление к поиску достоверного освещения сражения под Сталинградом является компонентом сложного, неоднозначного, мучительного процесса «преодоления прошлого», извлечения уроков из трагедии третьего рейха. «Этот город, – писала 30–31 января 1993 г. газета «Die Welt», – не оставляет равнодушным ни одного немца. Никто из нас не может вычеркнуть его из собственной истории»⁵⁸.

В конце 1992 г. – начале 1993 г., когда отмечалось 50-летие битвы на Волге, Сталинград, по оценке геттингенского профессора А. Людтке, стал «центральной темой печатных и электронных средств массовой информации»⁵⁹. Память о Сталинграде многосложно сплелась с проблемами общественной жизни сегодняшней Германии. Значительный резонанс вызвали коллективные труды, авторы которых, несмотря на различие отдельных подходов, едины в оценке войны против Советского Союза как криминальной, противоправной акции, убеждены в том, что поражение 6-й армии стало предвестником закономерного краха нацистской системы. Речь идет о следующих изданиях: «Сталинград. Мифы и реалии одного сражения» (под ред. В. Ветте и Г. Юбершера – сотрудников Военно-исторического ведомства ФРГ), «Сталинград. Событие. Воздействие. Символ» (под ред. Ю. Ферстера, также работающего в том же ведомстве), «Сталинград – немецкая легенда» (под ред. берлинского исследователя Й. Эберта)⁶⁰. В основе этих сборников – полидисциплинарная методология реконструкции прошлого, синтез усилий военных историков, психологов, педагогов, медиков, литературоведов. Солидное участие в деятельности авторских коллективов, в розыске и публикации новых документальных свидетельств Сталинградской битвы приняли российские ученые, архивисты, музейные работники.

Показателем наступавшего поворота в научном освещении и массовом осознании уроков великого сражения Второй мировой войны стала вышедшая в 1987 г. книга В.Р. Байера – известного философа, исследователя творчества Гегеля, президента Международного Гегелевского общества «Сталинград. Внизу, где жизнь была конкретна». Эта книга – сгусток личных впечатлений солдата Байера, пережившего трагедию окружения, тяжело раненного и вывезенного из котла одним из последних самолетов. Это и эссе о современном значении философии Гегеля (подзаголовок книги воспроизводит, чуть видоизменив, формулу великого мыслителя из его «Философии права»). Это и квалифицированный, острый критический обзор вышедшей в ФРГ литературы о катастрофе 6-й армии. Содержание книги находится как бы на рубеже двух сознаний: сознания солдата – одного из многих, брошенных на гибель своими командирами, и сознания умудренного годами человека, обреченного, по его словам, «тащить на себе в течение всей своей жизни груз выстраданной истории»⁶¹.

Правдивая история – это прежде всего истинно научная история, базирующаяся на действенной научной методологии, исключающей так называемые запретные темы и стыдливые умолчания, на солидном информационном обеспечении, широком использовании архивных документов, на надежной и достоверной статистике⁶².

■ История

Современный этап развития военно-исторической науки, характеризующийся переосмыслением событий прошлого, расширением источниковой базы, включением в научный оборот новых, ранее не известных документов и материалов, столкновением и даже противоборством мнений, концепций, теорий, предъявляет высокие требования к определению форм, методов и средств разоблачения фальсификаций военной истории. Это особенно важно, ибо общий механизм фальсификации военной истории становится все изощреннее, сочетает в себе как открытую ложь в освещении событий, фактов военной истории, так и замаскированные попытки «подправить», исказить содержание военно-исторических процессов.

Методика разоблачения фальсификаций военной истории представляет собой неотъемлемую часть методологии, своего рода инструментарий для воплощения в жизнь научных принципов критики противников. Важнейшими аспектами методики выявления фальсификации военной истории являются: глубокое знание «механизма» фальсификации военной истории, в особенности средств, приемов и методов фальсификации; разоблачение научной и фактической несостоятельности пропаганды фальсифицированной военной истории; совершенствование собственных форм и методов, приемов и средств разоблачения фальсификаций.

Главным средством фальсификации является ложь. Ложь, как средство фальсификации, может быть открытой, явной, прямой или в форме полуправды, недомолвки, замалчивания, клеветы, обмана. Сами фальсификаторы истории признаются в том, что прибегают ко лжи в своих «исторических исследованиях». «Человеческий разум, – откровенничает американский историк М. Чукас, – должен быть нейтрализован или поставлен в условия бездействия путем сокрытия относящихся к делу фактов, должен быть введен в заблуждение и дезориентирован путем искаженного изображения действительности»⁶³.

В наше время наиболее распространенными методами извращения событий и фактов военной истории являются: «барраж» («постановка заграждения», «затуманивание»); «ред херринг» («копченая селедка»); «тестимониал» («лжесвидетельство, подлог»); «кард стокинг» («подставка карт»); «глиттеринг дженерелити» («лакировка, представление в розовом свете»); «нейм коллинг» («наешивание ярлыков, кличек»); «персонализация» и другие⁶⁴. Их необходимо уметь различать и противопоставлять им свои эффективные методы. Прежде всего – опровергать их измышления на основе неопровержимых документов.

Борьба с фальсификациями военной истории предполагает систему взаимосвязанных функциональных аспектов: критический

(разоблачающий), утверждающий (пропагандирующий) и упреждающий. Иными словами, тщетно призывать кого-либо к соблюдению научных принципов в области военной истории, если не разоблачать их фальсификации, не утверждать всемерно историческую правду и не упреждать возможные идеологические диверсии.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что на данный момент характерной особенностью западной историографии Сталинградской битвы остается крен в сторону немецких источников. Они доступнее для западных исследователей, и языковой барьер здесь играет менее существенную роль. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на Западе российские военно-исторические труды читают и изучают. Поэтому определенным залогом объективного освещения западными историками событий на советско-германском фронте является наличие в российской историографии Великой Отечественной войны, а в связи с рассматриваемой в данной статье темой – и Сталинградской битвы, научных трудов, опирающихся на неопровержимые документы.

Необходимо учитывать, что холодная война наложила глубокий, весьма живучий отпечаток на работы многих историков США, Великобритании и других стран. Они рассматривали и рассматривают до сих пор Сталинградскую битву как событие, оказавшее влияние лишь на ход войны СССР с Германией, предпринимают попытки приуменьшить ее историческое значение, приравнять достигнутый блестящий успех Красной армии к менее значительным военным успехам англо-американских войск на других театрах военных действий.

Правда, в некоторых публикациях, на наш взгляд, все же правильно отмечается, что битва на Волге стала Великой Победой Советского Союза, пунктом, от которого начался отсчет времени существования третьего рейха. С другой стороны, встречаются оценки, которые указывают, что Сталинградская битва и ее итоги в значительной мере способствовали укреплению международных позиций Советского Союза. В частности, английский историк Дж. Эрикссон писал об этом так: «Если победа под Полтавой в 1709 г. вывела Россию в число европейских держав, то победа под Сталинградом показала, что СССР становится ведущей мировой державой»⁶⁵.

В заключение подчеркнем: как бы не изощрялись некоторые западные историки, пытаясь приуменьшить значение Сталинградской битвы, было и остается неопровержимым фактом, что она явилась важнейшим историческим рубежом на пути к победе в Великой Отечественной и всей Второй мировой войне. Победа, одержанная в ней Красной армией, окончательно перечеркнула планы нацистского руководства Германии

сокрушить Советский Союз, захватить его земли, превратить его народы в рабов германских хозяев. После Сталинграда германский вермахт и армии фашистских союзников утратили стратегическую инициативу. Уже не они, а Красная армия до победоносного завершения войны определяла ход и результаты вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Вместе с тем сокрушительный разгром войск блока агрессоров под Сталинградом явился решающим вкладом в изменение стратегической обстановки

в пользу антигитлеровской коалиции на всех других фронтах Второй мировой войны.

Paderin A.A. *The Battle of Stalingrad in the focus of western historiography.*

Summary: *This article is about: The Battle of Stalingrad is drastic turning point in World War II. The Battle of Stalingrad is discussed by western historians in markedly different ways. Methods and techniques of perversion the historical significance of the Battle of Stalingrad. Different ways to expose misrepresentation of crucial events and results of the Battle of Stalingrad.*

Ключевые слова

Сталинградская битва как начало коренного перелома в войне; противоречивые оценки битвы западными историками; формы, методы и средства фальсификации истории и роли битвы; методика разоблачения попыток исказить суть событий и итоги битвы.

Keywords

The Battle of Stalingrad is drastic turning point in World War II. The Battle of Stalingrad is discussed by western historians in markedly different ways. Methods and techniques of perversion the historical significance of the Battle of Stalingrad. Different ways to expose misrepresentation of crucial events and results of the Battle of Stalingrad.

Примечания

1. См.: Борозняк А.И. Германская историография Сталинградской битвы // Вопросы истории. 1996. №10. С. 154 – 163.
2. См.: Manstein E. f. *Verlorene Siege*. Frankfurt a. M. 1955; *Stalingrad. Mythos...* S. 207, 210.
3. Wieder J. *Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten*. Munchen. 1962. Русское издание: Видер И. Катастрофа на Волге. М. 1965, с. 160, 326 – 327.
4. Там же. С. 147, 218.
5. Wieder J. *Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten*. Munchen. 1993. S. 8.
6. Jacobsen H.-A. *Zur Schlacht von Stalingrad – 20 Jahre danach* // *Allgemeine Schweizerische Militarzeitschrift*, 1963, Hf. 2, S. 63 — 69.
7. Белья Г. Способность скорбеть // *Новое время*, 1988. № 24. С. 37.
8. Чубарьян А.О. Вступительное слово // Международная научная конференция «Война. Народ. Победа», посвященная 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 2005. 15–16 марта. С.5.
9. Сталинградская битва и её геополитическое значение / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, акад. А.В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России М.: МГИМО Университета, 2013. 480 с.
10. Там же. С. 213 – 243.
11. Исаев А.В. История Сталинградской битвы в новейшей западной историографии // Материалы научной конференции «70 лет контрнаступлению под Сталинградом 19 ноября 1942 г. и начала коренного перелома в войне». М., 2012, 19 ноября.
12. Boog H. Rahn W. Stumpf R. Wegner B. *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Der globale Krieg – Die Ausweitung zum Weltkrieg und der Wechsel der Initiative 1941 bis 1943*, Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart 1990.
13. Цит. по: Boog H. Rahn W. Stumpf R. Wegner B. *Germany and the Second World War: Volume VI: The Global War*. Oxford University Press, USA, 2001. P.1090.
14. *Op.cit.* P.1117.
15. Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. М., 2003. С. 64–76.
16. Maser W. *Falchung, Dichtung und Wahrheit uber Hitler und Stalin*. Munchen, 2005. S. 280-283.
17. *Op.cit.* P.1169.
18. Jluks G. *Stalingrad: The Turning Point*. New-York. 1968. С. 154.
19. *The History of the Second World War*. London. 1968. Vol. 3. %15 (cover); *Great Battles of the 20" Century*. (Ed. B. Pitt) London, 1977. P. 209.
20. *Le Figaro*. 1972. 28 aout
21. Freund M. *Deutsche Geschichte*. Gutersloh. 1973. S. 1401.
22. Kehrig M. *Stalingrad: Analyse und Dokumentation einer Schlacht*. Stuttgart. 1974. S. 11.
23. См.: Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Чельшев И. А. *Правда и ложь о второй мировой войне/ Е. Н. Кульков, О. А. Ржешевский, И. А. Чельшев; Под ред. О. А. Ржешевского. 2-е изд., доп.* М.: Воениздат, 1988. С. 127–128.
24. Zentner K. *Illustrierte Geschichte des Zweiten Weltkrieges*. Munchen, 1973, S. 439.
25. Michel H. *1a Seconde guerre mondiale*, Paris, 1977, E 1, p. 467.
26. Axell A. *Stalin War through the Eyes of his Commanders*. L., 1997. P. 89.

■ История

27. Сталинградская битва и её геополитическое значение / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, акад. А.В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО–Университет, 2013. С. 344.
 28. Uhlir E. W. et al. F. Hohe und Wendepunkte deutscher Militärgeschichte. Mainz, 1984, S. 340.
 29. Сквайрс Р. Дорога войны: Записки английского офицера: Пер. с нем. М., 1952. С. 13.
 30. Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М., 1995. С. 11.
 31. См.: Сталинград: забытое сражение. М., 2005. С.120–121.
 32. Робертс Дж. Победа под Сталинградом: Битва, которая изменила историю: Пер. с. англ. М., 2003. С. 30.
 33. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. Stuttgart. 1990; Сталинград. Событие. С. 21, 33.
 34. Manstein E. Verlorene Siege. Bonn, 1955. S. 395.
 35. Ziemke E. Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East. Washington, 1968. P. 80.
 36. Zierer O. Deutschland: Kleine Geschichte Grosser Nation. Gutersloh, 1976. S. 115.
 37. Der Spiegel, 16.XII.2002, N 51. S. 73-74.
 38. Сталинград: Событие. Воздействие. Символ: Пер. с нем. М., 1995. С. 27; Kerr W. Das Geheimnis Stalingrad. Dusseldorf und Wien, 1977. S. 107 – 108.
 39. Робертс Дж. Указ. соч. С. 63, 28, 57.
 40. Вторая мировая война. Взгляд из Германии: сб. статей. Пер. с нем. М., 2005. С. 190.
 41. Arnold-Forster M. The World at War. London, 1974. P. 138.
 42. Сталинград: Событие. Воздействие. Символ: Пер. с нем. М., 1995. С. 28.
 43. Kehrig M. Op. cit. S. 37.
 44. Kehrig M. Op. cit. S. 43, 52, 88-89, 136-137, 141.
 45. Craig W. Op. cit. P. 218-228.
 46. Kehrig M. Op. cit. S. 371.
 47. Der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 285.
 48. Stokesbury J.A. A Short history of World War II. New York, 1980. P. 239.
 49. Grigg J. 1943: The Victory That Never Was. New York, 1980. P. 93.
 50. Beevor A. Stalingrad: The Fateful Siege 1942 - 43. Penguin Books. 1998; Beevor A. Stalingrad: The Fateful Siege: 1942-1943. New York: Viking, 1998. Русское издание: Сталинград- Смоленск: Русич, 1999.
 51. Beevor A. Op. cit. P. 81.
 52. Forster G. und andere. Der Zweite Weltkrieg. Berlin, 1972. S. 173, 195-197.
 53. См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1965. Т. 6. С. 30.
 54. См.: Гальдер Ф. Военный дневник. Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 2. С. 351.
 55. См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945: Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 280, 395.
 56. Там же. С. 277, 285, 409.
 57. Цит. по: Бивор Э. Сталинград – Смоленск.: Русич, 1999. С.418.
 58. См.: Борозняк А.И. Указ. соч. С. 154.
 59. SOWI (Sozialwissenschaftliche Informationen), 1993, Hf. 1, S. 2.
 60. Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a. M. 1992; Stalingrad. Ereignis. Wirkung. Symbol. München. 1992. Русский перевод: Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М. 1994; Stalingrad — eine deutsche Legende. Reinbek. 1992.
 61. Beyer W.R. Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. Frankfurt a. M. 1987, S. 59.
 62. Современные методологические проблемы военной истории в системе военного образования: Монография / Под общ. ред. генерал -майора С.А. Тюшкевича и генерал-лейтенанта Р.Л. Тимошева. М.: Военный университет, 2008. С. 199 – 212.
 63. Цит. по: Военная история как объект идеологической борьбы. М., 1991. С. 33.
 64. Там же.
 65. Erickson G. The Road to Berlin. London., 1983. P. 47.
-